

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.06

АРМЯНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ ПРОТИВ АРМЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА: РАСКОЛЫ И КОАЛИЦИИ В ДИСКУРСЕ О “САСНА ЦРЕР”

И.В. Фомин, Н.Ю. Силаев

ФОМИН Иван Владленович, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта, Калининград; доцент, факультет социальных наук, НИУ ВШЭ, Москва; научный сотрудник, Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН, Москва. Для связи с автором: fomin.i@gmail.com; **СИЛАЕВ Николай Юрьевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр проблем Кавказа и региональной безопасности, МГИМО МИД России, Москва. Для связи с автором: nikolai.silaev@gmail.com

Фомин И.В., Силаев Н.Ю. Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о “Сасна Црер”. – Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 78-92. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.06>

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-03-12024 “Информационно-аналитическая система ‘Индекс Евразии’” в МГИМО МИД России.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2017. Принята к печати: 15.01.2018

Аннотация. Статья посвящена анализу дискурсивных практик армянского национализма, проявившихся в ходе острого политического кризиса, который был вызван террористическим актом вооруженной группы “Сасна Црер” в Ереване в июле 2016 г. На базе разбора 316 сообщений СМИ, содержащих высказывания о “Сасна Црер” представителей армянского политического класса, были определены группы (“коалиции”) спикеров, которые использовали одну из трех основных дискурсивных стратегий представления “Сасна Црер”: 1) стратегию одобрения, 2) стратегию оправдания или 3) стратегию осуждения. Посредством построения карт социальных связей проанализирован состав участников и структура каждой из трех “коалиций”. “Коалиция осуждения” в основном включала в себя представителей исполнительной власти и правящей парламентской коалиции. В “коалицию одобрения” вошли представители либеральных и националистических политических партий и неправительственных организаций, представители армянской диаспоры, часть ветеранов карабахской войны, деятели культуры. По результатам количественного анализа зафиксировано доминирование в дискурсе “коалиции одобрения”. В совокупности с “коалицией оправдания” она почти вытеснила стратегию осуждения из дискурса о “Сасна Црер”. “Интерпретативная битва” (в терминологии Р. Брубейкера) за то или иное обозначение действий вооруженной группы была проиграна правящими кругами Армении. При этом в дискурсе о “Сасна Црер” проявились два соперничающих фрейма: этатистский (дискурсивная стратегия осуждения) и контрэтатистский (дискурсивные стратегии одобрения и оправдания). Два эти фрейма напрямую соотносятся с двумя типами националистических доктрин и движений, предложенных Р. Брубейкером: “государственно-фреймированным” и “контргосударственным”. Парадокс в том, что в изучаемом случае два этих типа национализма обращаются к одной и той же нации – к армянской. Хотя еще Б. Андерсон обращал внимание на двойственную природу национализма как силы одновременно революционной и стабилизирующей политический порядок, в случае с Арменией эта двойственность национализма сопровождается особой констелляцией различных видов капитала по П. Бурдьё. Анализ дискурса о “Сасна Црер” показывает, что обладатели экономического и политического капитала не

могут конвертировать его в капитал символический, так как этому препятствует слабость этатистского фрейма о нации. Однако носители символического капитала, которые дискурсивно позиционируют себя через контрэтатистский фрейм, лишены капитала политического и экономического.

Ключевые слова: Армения; Нагорный Карабах; нацистроительство; национализм; политический дискурс Армении; Сасна Црер; семантические карты; СМИ; социальносетевой анализ дискурса; социальные сети.

Пока версталась эта статья, Ереван захлестнула очередная волна массовых протестов и Серж Сарсян подал в отставку. К такому развитию событий привели, в частности, и те расколы, которые нам удалось обнаружить при изучении дискурса о «Сасна Црер». Фундаментальный характер этих размежеваний позволяет предположить, что они будут оставаться актуальным вызовом для армянской политической системы и в будущем – как минимум в период формирования нового правительства.

---

17 июля 2016 г. в Ереване группа вооруженных людей, протаранив грузовик ворота, прорвалась на территорию полка патрульно-постовой службы полиции. В течение двух недель эта группа, назвавшая себя “Сасна Црер” (“Храбрецы из Сасуна” – армянский эпос, известный также под названием “Давид Сасунский”), удерживала расположение полка, взяв в заложники полицейских и медиков, прибывших к раненым. При захвате заложников и в ходе последовавшего противостояния погибли три человека. В поддержку “Сасна Црер” прошло несколько демонстраций, одна из них закончилась беспорядками и столкновением с полицией. 31 июля члены вооруженной группы сдались властям и предстали перед судом¹.

Эта история может показаться цепочкой парадоксов. Если оценивать действия “Сасна Црер” как попытку государственного переворота, то они были очень плохо продуманы и еще хуже исполнены. Тем не менее, они привели к крупному внутривнутриполитическому кризису, вылившемуся в смену правительства. Люди, которые нападают на полицейских, убивают двоих из них и захватывают заложников, редко могут рассчитывать на понимание большого числа граждан страны, где они это делают. Однако в поддержку “Сасна Црер” проводились массовые демонстрации. Убийство полицейских и захват заложников обычно называют мятежом или террористическим актом, но ни одно из этих определений граждане и политический класс Армении не приняли в качестве бесспорного в отношении “Сасна Црер”. Более того, многие политические и общественные деятели Армении высказывались об их действиях в одобрительном или оправдательном ключе.

Низкая популярность политического руководства Армении, низкое доверие ее граждан к политике и политикам вряд ли может послужить достаточным объяснением этих парадоксов. Во-первых, недоверие властям еще не означает поддержку террора и мятежа. Во-вторых, – и это более важно – те же самые непопулярные политики, против которых был поднят мятеж, несколько месяцев спустя выиграли парламентские выборы, причем за пределами нового парламента остались именно те силы, которые наиболее громко одобряли действия мятежников². Кроме того, требует специального рассмотрения вопрос

---

¹ Более подробное изложение событий и анализ непосредственного контекста см. напр. [Золян 2016]; Как оппозиция захватила полицию в Ереване: хроника. – *Кавказский узел*. 01.08.2016. Доступ: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/286102/> (проверено 05.12.2017).

² Парламентские выборы прошли в Армении 2 апреля 2017 г.

о том, почему электорально и политически слабые сторонники “Сасна Црер” обрели “дискурсивное господство” в полемике о действиях этой вооруженной группы и почему правящие группы, показывающие на выборах достаточно высокий уровень поддержки, не смогли добиться от общества осуждения направленного против них мятежа.

Мы полагаем, что попытка ответить на эти вопросы, предпринятая в статье, выходит за рамки анализа локального политического кризиса в Армении. Спор о “Сасна Црер” и проявленные им парадоксы можно отождествить с эффектом “замечания фона”, когда практики, подразумеваемые участниками событий, само собой разумеющиеся для них, но неизвестные наблюдателю, внезапно попадают в поле его зрения [Волков, Хархордин 2008: 43–44]. В нашем случае проявляются свойства той дискурсивной действительности, в которой действуют политические акторы и которую эти акторы сами составляют, это действительность отношений между армянским национализмом и армянским государством. Мы полагаем, что анализ дискурсивных практик армянского национализма, как они проявились в споре по поводу “Сасна Црер”, поможет дать новые объяснения внутривнутриполитической динамике Армении, а также сделать ряд наблюдений, касающихся связи между национализмом и характером политического режима в постсоветском историческом контексте.

НАЦИОНАЛИЗМ И “ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ БИТВЫ”

Крейг Калхун предложил считать национализм прежде всего дискурсивной формацией, отмечая, что бесчисленные формы его проявления едва ли могут быть объяснены одной универсальной причиной, но их объединяет особый взгляд на мир, предполагающий само существование наций [Калхун 2006: 61]. Этой логике следует и Роджерс Брубейкер, призывающий рассматривать нацию, расу, этничность не как “вещи-в-мире”, а как “точки-зрения-на-мир”, включающие соответствующие способы видения, объяснения, фреймы, нарративы, формальные и неформальные системы классификации, категоризации, идентификации [Брубейкер 2012: 42]. В отличие от макросоциологических интерпретаций, связывающих национализм, например, с возникновением государства-нации или современности как таковой, его дискурсивная трактовка позволяет анализировать конкретные политические ситуации, в которых сталкиваются различные трактовки нации, позволяет анализировать национализм, как он проявляется в конкретных локальных взаимодействиях.

Использованное Брубейкером понятие *фрейм* восходит к работам Ирвинга Гофмана и используется им в значении схемы интерпретации, обеспечивающей “фоновое понимание события”, при помощи которой люди отвечают на вопрос: “что здесь происходит?” [Гофман 2003: 68, 81]³. Отметим, что, возникнув в рамках анализа непосредственных персональных восприятий и взаимодействий, понятие фрейма стало использоваться также и в более широких контекстах, предполагающих взаимодействия, опосредованные медиа или иными институтами публичной политики. Брубейкер акцентирует внимание на этом понятии, когда говорит о насилии и “интерпретативных битвах” по поводу него: насилие и конфликт становятся этническими, потому что такое значение придают ему участники или наблюдатели, этническое фреймирование предполагает также

³ Об анализе фреймов в политических исследованиях см. [Вахштайн 2013].

понимание конфликта в группистских (т.е. рассматривающих группы в качестве субъектов социальных отношений) терминах. Ссылаясь на Д. Горовица, он говорит о “метаконфликтах” или конфликтах по поводу природы конфликта [Брубейкер 2012: 40-41]. Хотя захват полицейского участка группой “Сасна Црер” никто не трактовал в качестве этнического конфликта, это сходство важно, поскольку в исследуемом случае речь также шла о борьбе по поводу интерпретации акта насилия, истолковании его в том или ином фрейме. За событиями в Ереване разворачивался метаконфликт, в котором решался вопрос о том, какой способ восприятия и описания этих событий окажется господствующим.

Обсуждая проблематику этничности, расы, нации в перспективе когнитивных исследований, т.е. как объектов категоризации, классификации, стереотипизации, Брубейкер выделяет два кластера эмпирических исследований. Первый кластер – это исследования официальной кодифицированной, формализованной практики категоризации, применяемой влиятельными институтами власти. Такие исследования опираются на концепцию ментальности управления по Фуко и понятие символической власти по Бурдьё как власти устанавливать, кто есть кто и что есть что, тем самым навязывая правила понимания и разделения социального мира. Второй – это неформальные, обыденные, неофициальные практики классификации и категоризации, используемые обычными людьми; сюда попадают, например, исследования в парадигме конверсационного анализа и этнометодологии, в которых этничность предстает как то, что перформативно разыгрывается в конкретном непосредственном персональном взаимодействии [там же: 132, 136].

Брубейкер еще раз обращается к понятию фрейма, когда критикует привычное, но аналитически несостоятельное, согласно его аргументам, различие национализма “этнического” и “гражданского”. Он предлагает собственную классификацию националистических доктрин и движений, основанную на различии “государственно-фреймированных” (*state-framed*) и “контргосударственных” (*counter-state*) пониманий национальности и форм национализма. В первом случае нация мыслится как соответствующая государству с его территорией и институтами, во втором – как отличная от этой рамки или противоположная ей [там же: 261-262].

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Исходя из изложенного выше подхода и была сформирована наша исходная гипотеза. Мы предположили, что острота полемики по поводу “Сасна Црер” указывает именно на то, что в нее вовлечены некие важные для самоописания и самовосприятия армянского общества вещи. В этой полемике сталкиваются противоречащие друг другу фреймы, в которых события получают принципиально разную интерпретацию. Идет борьба за установление господствующей интерпретации, причем стороны этой борьбы предъявляют присущую им в той или иной мере символическую власть – по Бурдьё, “власть называть”, конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок [Бурдьё 2014: 89] – и одна из сторон проигрывает в этом соревновании.

Через анализ конфигураций, проявившихся в этой полемике дискурсивных позиций и политических коалиций, возникает возможность зафиксировать эти сталкивающиеся способы интерпретации и изоморфный им порядок социальных отношений. Именно из этого мы исходили, формулируя задачи своего исследования. Мы попытались ответить на следующие вопросы: 1) Какие позиции в отно-

пении ситуации с группой “Сасна Црер” существуют в медийном политическом дискурсе Армении? 2) Какие из этих позиций преобладают? 3) Какие фреймы, схемы интерпретации ситуации вокруг “Сасна Црер” стоят за конкурирующими позициями? 4) Каков состав групп акторов (“коалиций”), одобряющих, осуждающих и оправдывающих действия “Сасна Црер”? 5) Можно ли обнаружить какие-либо закономерности формирования этих “коалиций”?

Критерием принадлежности к той или иной коалиции был характер высказывания, а именно, содержало оно одобрение действий вооруженной группы, их оправдание или осуждение. Такие высказывания были выявлены при помощи информационно-аналитической платформы “Семантический архив”, позволяющей в автоматизированном режиме проводить мониторинг СМИ, осуществлять поиск по выявленному массиву источников, в формализованном виде выделять данные о фактах и акторах, строить семантические карты.

Использованный в рамках исследования метод можно назвать *социально-сетевым анализом дискурса*. Общий его концептуальный каркас укладывается в рамки модели дискурса Нормана Фэркло, в которой выделяются три измерения: *текст*, *дискурсивная практика* и *социальная практика* [Fairclough 1992: 73]. Текст, в соответствии с этой схемой, рассматривается как продукт, производимый и потребляемый в интеракционных рамках дискурсивной практики — набора жанров, дискурсов и стратегий, привлекаемых при выработке текста. Дискурсивная практика в свою очередь формируется социальной практикой, т.е. социальными обстоятельствами, задающими контекст для коммуникации.

Основанная на этой концепции схема анализа, задействованная в исследовании, включала два этапа:

1. Анализ текстов и дискурсивных практик. Определение задействованных дискурсивных стратегий репрезентации “Сасна Црер” для каждого текста⁴ в корпусе с применением исследовательской триангуляции (2 эксперта).

2. Анализ социальных практик. Построение карты социальных связей для спикеров, задействованных в коалиции, формирующейся вокруг каждой из дискурсивных метастратегий.

Материалом для анализа стали высказывания политиков, общественных деятелей, лидеров общественного мнения Армении о захвате расположения полицейского поста в Ереване и последовавших событиях. В медиа Армении широко используется русский язык, и это позволило сформировать достаточно репрезентативный корпус материалов по запросу на русском. Анализ был проведен на материале девяти армянских новостных сайтов на русском языке: “A1+”, “Hetq online”, “NEWS.am”, “SLAQ.am”, “Арменпресс”, “АрмИнфо”, “ЕРКИР.am”, “МАМУЛ.am”, “Первый армянский информационный”.

Сообщения с этих сайтов за период с 28 июля по 2 сентября 2016 г. были в автоматическом режиме агрегированы с помощью системы “Семантический архив”. Общее количество проанализированных сообщений составило 1471. В этот массив вошли все сообщения, в которых упоминалась “Сасна црер”. Из них непосредственным материалом для анализа стали 316 сообщений, в которых звучала прямая речь с оценками в отношении действий группы.

С жанровой точки зрения проанализированный корпус текстов был относительно однородным и ограничивался комментариями и интервью в СМИ.

⁴ Из рассмотрения были исключены высказывания спикеров, лично знакомых с анализировавшими массив экспертами. По этой причине в работе не рассматривались одно высказывание Сергея Минасяна и два высказывания Александра Искандаряна.

Факт цитирования в данном случае определял принадлежность автора высказывания к публично-политическому пространству — высказанное мнение было сочтено достаточно важным и весомым, чтобы быть опубликованным.

В качестве ключевого параметра, структурирующего дискурсивные практики производства текстов, была использована категория *дискурсивной стратегии* [Reisigl, Wodak 2001: 44], понимаемая как более или менее намеренно и последовательно реализуемые планы по систематическому использованию языка, направленные на достижение определенных социальных, политических, экономических, психологических и иных целей.

Абдуктивным образом были выделены четыре основных метастратегии, задействованных в анализируемом корпусе: *одобрение, оправдание, осуждение и нейтральная* репрезентация (см. табл.1), в рамках каждой из них были очерчены присущие ей способы именования участников группы “Сасна Црер” и других акторов (референциальные стратегии) и приписывания им определенных действий и качеств (предикационные стратегии).

Таблица 1 (Table 1)

Дискурсивные стратегии репрезентации группы “Сасна Црер”
Discursive Strategies of Representation of Sasna Tsrer

Метастратегия	Стратегии и способы их реализации
Одобрение	– Референциальная стратегия позитивации (герои, спасители и т.п.) или виктимизации (жертвы, заложники). – Предикационная стратегия позитивации (описание действий с использованием позитивно окрашенных терминов, исключение действий, которые могут быть представлены негативно). – Ассоциация говорящего с повстанцами через референцию (мы) или предикацию (совместные действия, требования и т.п.).
Оправдание	– Предикационная стратегия митигации негативности (использование нейтральных или умеренно негативных терминов в отношении действий “Сасна Црер”) со смещением фокуса на предикацию негативных действий другим акторам.
Осуждение	– Референциальная стратегия негативации (террористы, преступники). – Предикационная стратегия негативации (описание действий с использованием негативно окрашенных терминов, исключение действий, которые могут быть представлены позитивно).
Нейтральная	– Отсутствие выраженных стратегических способов использования языка.

РЕЗУЛЬТАТЫ

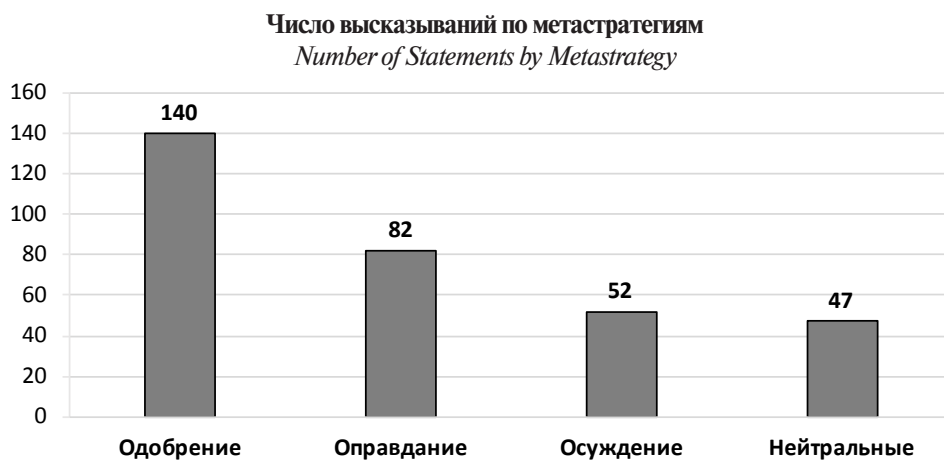
Количество заявлений, которые можно было отнести к проявлениям стратегии одобрения, составило в проанализированном массиве 140 случаев, стратегии оправдания — 82, осуждения — 52. Число нейтральных высказываний составило 47 (см. рис. 1)⁵. Сравнение числа высказываний, относящихся к разным стратегиям, указывает на преобладание стратегии одобрения. В целом в медийном пространстве Армении доминировали высказывания, одобряющие или оправдывающие действия “Сасна Црер”.

После определения принадлежности каждого из проанализированных высказываний к одной из метастратегий и подсчета высказываний, относящихся

⁵ Общее количество высказываний не совпадает с общим числом проанализированных сообщений, поскольку некоторые сообщения включали в себя высказывания, относящиеся к разным стратегиям.

к каждой из них, мы перешли ко второму этапу анализа, предполагавшему соотнесение набора акторов, придерживавшихся каждой из стратегий, со структурой социальных связей, в которые эти акторы включены. Была исследована принадлежность спикеров каждой из коалиций к политическим партиям или общественным организациям, прослежены их публичные связи друг с другом, проанализирован характер занятий или иные идентифицирующие сведения. Преимущественно информация о спикерах не выходила далеко за рамки идентификаций, указанных в самих проанализированных публикациях, которые сочли нужным упомянуть цитирующие их медиа. Не предполагалось “разоблачение” неких скрытых связей говорящего — на первом месте находился собственно его публичный статус, через который он идентифицируется в медийном дискурсе.

Рисунок 1 (Figure 1)

В этом контексте для нас важно понятие *футинга* (*footing*), восходящее к категориальному аппарату И. Гофмана, но используемое и в инструментарии критического дискурса-анализа. Под футингом понимается осуществляемое участником коммуникации “дискурсивное учреждение себя как социальной сущности”, производящей и воспринимающей высказывания [Reisigl, Wodak 2001: 82]. Иными словами, это то, на какое место говорящий сам себя ставит в той картине социального мира, которую описывает.

Статусы авторов высказываний — их связи с политическими партиями, общественными организациями, иными сообществами — при помощи “Семантического архива” были размещены на семантических картах⁶. Ниже мы предлагаем интерпретацию этих карт.

“КОАЛИЦИЯ ОСУЖДЕНИЯ”

В целом для дискурса “коалиции осуждения” были характерны референциальные и предикационные стратегии социальной проблематизации (и в частности криминализации)⁷ “Сасна Црер”, которую называли, на-

⁶ См. рис. 2 и табл. 2, 3, 4 в электронном приложении к статье на сайте журнала в разделе “Архив журнала” — 2018 — № 2. Фомин И.В., Силаев Н.Ю. Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о “Сасна Црер”.

⁷ Эти термины здесь употреблены в значении, в котором их используют Мартин Райзигл и Рут Водак, — для наименования стратегий репрезентации социальных акторов как воплощений социальных проблем [Reisigl, Wodak 2001: 52].

пример, “преступной группой”⁸ или “группой мятежников”⁹. Действия “Храбрецов из Сасуна” при этом описывались в негативно окрашенных терминах — делался акцент на насильственном характере их методов, а также на том, что действия группы представляют угрозу для безопасности Армении и Нагорного Карабаха¹⁰.

Что касается состава этой коалиции, то в нее вошли¹¹:

1. Представители правящих кругов (президент Серж Саргсян, представители пропрезидентской “Республиканской партии” и исполнительной власти);
2. Оппозиционная партия “Армянский национальный конгресс” (лидер — первый президент Армении Левон Тер-Петросян);
3. Представители партии “Процветающая Армения” (основатель — бизнесмен Гагик Царукян);
4. Депутат Народного собрания НКР, герой Арцаха Виталий Баласанян, (он вел переговоры с вооруженной группой от имени властей Армении, что несколько ограничивало его возможности для политических комментариев);
5. Союз ветеранов Карабахской войны (азатамартиков) Арцаха.

Характеризуя коалицию осуждения в целом, нужно отметить три важных особенности. Во-первых, она немногочисленна (напомним, и в общем массиве проанализированных нами высказываний о “Сасна Црер” осуждающие составили наименьшую долю). Политических акторов, готовых открыто заявить о своей принадлежности к истеблишменту и солидарности с ним, в Армении оказалось немного. Во-вторых, среди тех, кто публично осудил “Сасна Црер”, не оказалось ни одного представителя армянской диаспоры. В-третьих, как среди оппозиционных партий, так и среди партий правящей коалиции вопрос об оценке действий “Сасна Црер” проявил размежевание. Против действий вооруженной группы высказалась только одна партия из правящей коалиции (“Республиканская партия”) и только две оппозиционных партии (“Армянский национальный конгресс” и “Процветающая Армения”).

“КОАЛИЦИЯ ОДОБРЕНИЯ”

Что касается “коалиции одобрения”, то для ее дискурса были характерны референциальные стратегии, ориентированные на героизацию¹² “Сасна Црер”, а также предикационные стратегии позитивации, направленные на то, чтобы представить действия этой вооруженной группы как “правильный

⁸ СНБ Армении предупреждает: Вынуждены будем применить более жесткие меры. — *NEWS.am*. 26.07.2016. Доступ: <https://news.am/rus/news/339045.html> (проверено 05.12.2017).

⁹ Мы дали возможность правоохранительным органам действовать, не хотели стать для них препятствием: Ваграм Багдасарян. — *lin.am*. 04.08.2016. Доступ: <http://ru.lin.am/1160929.html> (проверено 05.12.2017).

¹⁰ Напр.: Ослабляя Армению, вы ставите под угрозу будущее Нагорного Карабаха. Заявление. Союз азатамартиков НКР. — *Armenpress.am*. 28.07.2016. Доступ: <https://armenpress.am/rus/news/855532/oslablyaya-armeniuyu-viyu-stavite-pod-ugrozu-budushchee-nagornogo.html> (проверено 05.05.2017); В нашей стране уже “джинна выпустили из бутылки”. Наира Зограбян. — *lin.am*. 04.08.2016. Доступ: <http://ru.lin.am/1161001.html> (проверено 05.06.2017).

¹¹ Более полный список представлен в табл. 2. См. электронное приложение к статье на сайте журнала в разделе “Архив журнала” — 2018 — № 2. Фомин И.В., Силаев Н.Ю. Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о “Сасна Црер”.

¹² Напр.: Арсине Ханджян: Действия группы “Сасна Црер” — выражение отчаяния. — *News.am*. 29.07.2016. Доступ: <https://news.am/rus/news/339456.html> (проверено 05.06.2017).

шаг народа”¹³ “во имя страны”¹⁴. Для этого дискурса также были характерны призывы поддержать “Сасна Црер” и стратегии негативации при репрезентации государства¹⁵.

Среди акторов, высказывавшихся с одобрением о действиях “Сасна Црер”, выделяются несколько групп¹⁶:

1) представители неправительственных организаций, принадлежащих к либеральной части политического спектра и получающих финансирование из американских и западноевропейских политических фондов (“Хельсинская гражданская ассамблея”, “Сотрудничество во имя демократии”, “Ереванский пресс-клуб” и др.);

2) оппозиционная партия “Наследие”¹⁷;

3) члены и сторонники оппозиционной политической организации “Учредительный парламент”¹⁸;

4) ветераны политической сцены Армении первых лет независимости¹⁹;

5) видные представители армянской диаспоры;

6) деятели культуры.

Своей структурой коалиция одобрения “Сасна Црер” напоминала политические коалиции, ставшие двигателем “цветных революций” в постсоветских странах. Она включала в себя, с одной стороны, либеральные, а с другой — националистические силы. На карте коалиции одобрения два эти фокуса видны как сгустки вокруг либерального фронта “Новая Армения” и националистического “Учредительного парламента”.

Это явление сходно с тем, что Георгий Дерлугьян фиксирует, описывая революционные политические коалиции времен перестройки. Бок о бок в таких альянсах оказывались интеллигенты и полугородские маргиналы, не имевшие определенной профессии и социального статуса — субпролетариат в категориях Бурдьё. Интеллигенция с ее символическим капиталом и субпролетариат с его готовностью к физическому противостоянию и насилию сливались в борьбе за национальное дело. Причем маргиналы за счет этого получали парадоксальную возможность превратить свои социально осуждаемые свойства — ту же

¹³ Напр.: С человеческой точки зрения шаг “Сасна Црер” был фантастическим, изменилась повестка дня республики. — *lin.am*. 03.08.2016. Доступ: <http://ru.lin.am/1160711.html> (проверено 05.06.2017).

¹⁴ Напр.: Это — самосуд: Анаит Бахшян. — *lin.am*. 05.08.2016. Доступ: <http://ru.lin.am/1161083.html> (проверено 05.06.2017).

¹⁵ Напр.: Мотивировки всех этих отставок — формальные, чтобы скрыть реальные причины: Артур Сакунц. — *lin.am*. 05.08.2016. Доступ: <http://ru.lin.am/1161155.html> (проверено 05.06.2017).

¹⁶ Более полный список представлен в табл. 3. См. электронное приложение к статье на сайте журнала в разделе “Архив журнала” — 2018 — № 2. Фомин И.В., Силаев Н.Ю. Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о “Сасна Црер”.

¹⁷ В поддержку “Сасна Црер” выступали представители не только самой партии, но и близких к ней “Армянского центра стратегических и национальных исследований” и фракции “Здравствуй, Ереван” в совете старейшин столицы Армении. Также см. электронное приложение к статье на сайте журнала в разделе “Архив журнала” — 2018 — № 2. Фомин И.В., Силаев Н.Ю. Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о “Сасна Црер”.

¹⁸ Лидер “Учредительного парламента”, выходец из армянской диаспоры Ливана Жирайр Сефилян в июне 2016 г. был взят под стражу по подозрению в организации незаконной перевозки и хранения оружия. Одним из главных требований “Сасна Црер” было его освобождение.

¹⁹ Напр. Паруйр Айрикян, диссидент советской эпохи, и Ашот Манучарян, член комитета “Карабах”, советник президента Армении по безопасности в 1991-1993 гг.

склонность к насилию и криминальным практикам — в социально одобряемые, поскольку эти свойства были поставлены на службу нации. Из “подозрительных типов” они превращались в народных героев. Присоединение к этому альянсу части советской номенклатуры с ее политическим капиталом и создало ту гремучую смесь, которая взорвалась серией вооруженных конфликтов на пространстве распадающегося СССР [Дерлугьян 2010: 305-307]²⁰.

“КОАЛИЦИЯ ОПРАВДАНИЯ”

Коалиция оправдания “Сасна Црер” по своему составу была во многом сходна с коалицией одобрения, но включала ряд участников, не вошедших в число “одобряющих”. Наиболее показателен именно набор акторов, которые вошли в круг участников коалиции оправдания, не обнаруживаясь в составе никакой другой коалиции — т.е. тех, кто целенаправленно транслировал двойственное отношение к действиям “сасунских храбрецов”. Именно такой оказалась, например, позиция спикеров, представляющих партию “Дашнакцутюн”. Эта партия, в частности, выпустила заявление, в котором осуждала насильственные методы политической борьбы, но в то же время отмечала, что “оскорбления, вражда, ненависть, насилие, пренебрежение ожиданиями и недовольством народа всегда разделяют и уничтожают коллективную силу армянства”²¹. Амбивалентный посыл “Дашнакцутюн” можно объяснить тем, что партия, с одной стороны, входила в правящую коалицию, с другой — известна своими вековыми традициями насильственной политической борьбы.

С похожими заявлениями, где акцентировалась тема ответственности властей за накопившиеся проблемы, которые и вынудили “Сасна Црер” на насильственные действия, выступали бывший министр иностранных дел Армении, член парламента от Армянского общенационального движения Александр Арзуманян, а также его коллега, бывший министр иностранных дел Вардан Осканян. В том же духе высказался бывший зам. начальника Службы национальной безопасности Армении Гурген Егиазарян, заявивший, что власти вынудили общество к насильственным действиям²².

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Стратегии репрезентации действий “Сасна Црер” выстраивались в двух взаимоисключающих фреймах. Меньшая часть авторов проанализированных нами высказываний говорила об опасном мятеже или террористическом акте, угрожающем безопасности страны. Назовем этот фрейм *этатистским*. Большая часть авторов высказываний говорила о народном восстании, подвиге во имя нации или (в “коалиции оправдания”) о насилии как выражении естественного возмущения действиями властей. Назовем этот фрейм, вписывающий “Сасна Црер” в длинную традицию армянского фидаинского вооруженного сопротивления, *контрэтатистским*.

Эти фреймы напрямую соотносятся с двумя типами националистических доктрин и движений, предложенных Р. Брубейкером: “государственно-

²⁰ Георгию Дерлугьяну также принадлежит комментарий по делу “Сасна Црер” [Дерлугьян 2016].

²¹ АРФ Дашнакцутюн: Нельзя добиться политических изменений неполитическими методами. — *News.am*. 22.07.2016. Доступ: <https://news.am/gus/news/338462.html> (проверено 05.12.2017).

²² Гурген Егиазарян: Во избежание бунта власти Армении должны пойти на серьезные изменения. — *Arminfo*. 29.08.2016. Доступ: <http://armenianreport.com/pubs/137508/> (проверено 05.2.2016).

фреймированным” и “контргосударственным”. Парадокс в том, что в изучаемом нами случае два этих типа национализма обращаются к одной и той же нации – к армянской. Армянский национализм одновременно оказывается и государственно-фреймированным, и контргосударственным. Он сам становится полем интерпретативной битвы между двумя способами описывать социальный мир. Подобно тому, как сосуществуют два армянских государства, одно из которых наследует легитимности советских республик (Республика Армения), а другое – подрывает ее (Нагорно-Карабахская Республика), армянский национализм оказывается одновременно и государственно-фреймированным, обладающим национальной государственностью, и контргосударственным, подвергающим эту государственность сомнению, а в крайних проявлениях поднимающим против нее мятеж.

Важно отметить, что армянский национализм формировался в конкуренции институтов, претендовавших на то, чтобы политически представить и организовать нацию. В XIX в. такими соперниками были апостольская церковь, в свою очередь расколотая между Эчмиадзином и Стамбулом, и революционные партии светской интеллигенции. В XX в., особенно после Второй мировой войны, в армянской диаспоре шли острые дискуссии об отношении к советской Армении, а позиции партии “Дашнакцутюн”, которая, несмотря на многолетние усилия, так и не смогла получить политическую монополию в диаспоре, подрывали молодые приверженцы прямого действия из *ASALA* [Sury 1993: 227]. При этом ни один из национальных проектов так и не смог предъявить последний и самый решительный аргумент в свою пользу, а именно обеспечить политический контроль над утраченными землями Западной Армении. Два мотива – возвращение земель и неполнота, недостаточность национального государства, существующего лишь на малой части исторической родины – исключительно сильны в армянском национализме. Как определил Армению в начале 1920-х годов один из известнейших фидайнов Гарегин Нжде: “не Родина, а родимый угол” [Нжде 1992: 5].

Наблюдения о существовании двух плохо совместимых друг с другом векторов в сегодняшнем армянском национализме мы можем найти в работах других авторов, обращающихся к этой теме. Например, к схожим выводам приходят ученые ИМЭМО РАН – участники недавнего проекта по изучению постсоветских национальных идентичностей, указывающие на актуальную для Армении “дилемму между строительством стабильного государства и развитием нации как традиционного культурно-исторического образования”. При этом фиксируется также сохраняющееся в диаспоре понимание *Армении* как “большой Западной Армении” при сохраняющемся “недоверии к маленькой, ‘Арагатской’ Армении” [Семененко, Лапкин, Бардин, Пантин 2017: 67-69]. Об армянах как о фрагментированной общности и о многоликости сегодняшней армянской идентичности пишет также Размик Паносян [Panossian 2006: 384-393].

Ранее Дмитрий Фурман обратился к психоаналитическим метафорам травмы и компенсации, сравнивая армянское национальное движение с еврейским: если у евреев создание сильного и процветающего государства компенсировало травму геноцида, то у армян такого компенсирующего события не было, “и при ограниченных возможностях нормальной, реальной национально-государственной жизни происходит нечто вроде фантастической, мечтательной компенсации” (под последней он подразумевал идеал возвращения Западной Армении) [Фурман 1993: 8-9].

В работе Сурина Золяна о национальной идентичности армян тоже можно найти указание на существование двух различных представлений: о нации “политического самоосмысления” и о нации в “фольклорно-эпическом понимании” [Золян 2017: 46]. Здесь, конечно, нельзя не обратить внимание на название группы бойцов, захвативших ереванский полицейский участок. Самим названием “Сасна Црер” отсылают именно к “фольклорно-эпическим мотивам”,²³ причем эта отсылка была замечена и подхвачена их сторонниками. “Это был наш эпос, который нам рассказали”, — заявил о действиях группы член комитета “Карабах” Ашот Манучарян.²⁴

Сама по себе внутренняя противоречивость националистического дискурса, однако, не является чем-то уникальным и специфическим для армян. Уместно вспомнить, что Бенедикт Андерсон отметил двоякую, одновременно стабилизирующую и революционную роль национализма: в XIX в. почти все западные и восточные династии обращались к идее нации для укрепления своей власти и своих государств, но само признание короля *одним из* немцев, османов или румын представителем нации, допускало возможность оспорить его легитимность от имени этой нации²⁵.

Однако в деле “Сасна Црер” обращает на себя внимание не только эта внутренняя противоречивость, но и сопровождающая ее особая констелляция различных видов капитала по Бурдьё. Можно заметить, что в состав “коалиции осуждения” входят те, у кого достаточно экономического и социального капитала и кто боится утратить имеющиеся позиции. Их социальный капитал в виде формальных должностей и экономических ресурсов мог бы конвертироваться в символический, если бы в обществе широко разделялся этатистский фрейм о нации. Но оказывается, что более эффективно в символический капитал конвертируется социальный капитал в виде статусов ветерана, оппозиционера, выразителя мнения диаспоры. Через эти футинги спикеры легко встраиваются в контрэтатистский фрейм о нации.

Влияние этого фрейма, его способность к производству символической власти могут объясняться той особой ролью, которую играет в армянской политике карабахский вопрос. Лоуренс Броерс сравнил Карабах со своеобразным “эмитентом” символической “валюты” армянской политики: именно Карабах выдает политикам в Армении метафорическое удостоверение патриота, и это важный элемент обмена между Ереваном и Степанакертом [Broers, Iskandaryan, Minasyan 2015: 157]. В то же время именно Карабах идеально вписывается в “фидайнскую” традицию мыслить и говорить об армянстве, поддерживая ее актуальность.

Как можно заметить, контрэтатистский, “фидайнский” фрейм занимает особое место в армянском национализме. С одной стороны, он обеспечивает почти монопольную интерпретационную схему для описания политических событий, затрагивающих нацию. С другой стороны, те, кто выигрывает

²³ С.Т. Золян находит свидетельства тому, что современное армянское государство само дрейфует в направлении “фольклорно-эпического” понимания национализма [Золян 2017: 46].

²⁴ С человеческой точки зрения шаг “Сасна Црер” был фантастическим, изменилась повестка дня республики. — *Первый армянский информационный*. 03.08.2016. Доступ: <http://ru.lin.am/1160711.html> (проверено 10.01.2018).

²⁵ Андерсон пишет: “Когда кайзер Вильгельм II назвал себя ‘немцем номер один’, он неявно признал тем самым, что является одним из многих ему подобных, выполняет представительскую функцию, а, следовательно, может быть в принципе изменником своих собратьев-немцев (...). После катастрофы, постигшей Германию в 1918 г., его поймали на этом предполагаемом слове” [Андерсон 2001: 107].

в борьбе за символическую власть, опираясь на этот фрейм, далеки от власти политической или экономической.

Здесь может быть проведена параллель с некоторыми особенностями траектории политических карьер ветеранов карабахской войны. Популярность и авторитет командиров, добившихся побед в Карабахе, были исключительно высоки в первое десятилетие независимости Армении. Сами ветераны представляли собой многочисленное, сплоченное и хорошо организованное сообщество, обладавшее большим влиянием. В альянсе с бывшим первым секретарем ЦК Компартии Армении Кареном Демирчяном, олицетворявшим управленческую элиту советских времен, харизматичный лидер карабахских ветеранов Вазген Саркисян выиграл парламентские выборы 1999 г. Террористический акт в парламенте Армении 1999 г., в результате которого погибли и Демирчян, и Саркисян, остановил их приход к власти. Смена правительства в мае 2000 г. обозначила установление контроля над ключевыми властными рычагами со стороны президента Роберта Кочаряна, карабахца, но не ветерана, и закат влияния ветеранских лидеров и организаций [Iskandaryan, Mikaelian, Minasyan 2016: 55-56]. “Фидаины” победили в войне, но лишились своего места в политике.

Можно сказать, что амбивалентность армянского национализма с его двумя соперничающими фреймами одновременно ставит “фидаина” вне государственных институтов с их ресурсами и лишает государственные институты важнейшего источника легитимности, рождающейся из авторитета политического представителя нации. Различные виды капитала и власти (по Бурдьё) принадлежат разным группам элиты, и эти группы в силу дискурсивных особенностей армянского национализма — двух сосуществующих и взаимоисключающих фреймов — не могут быть собраны в одной коалиции.

Порядок, при котором различные виды власти принадлежат конкурирующим политическим силам, с одной стороны, обеспечивает постоянную турбулентность (революции анонсируются в Армении буквально ежегодно и, несмотря на ежегодные же провалы, получают внимание и сочувствие публики, выраженные, например, в активном посещении митингов), а с другой — надежно блокирует содержательные политические изменения. Государственные институты проигрывают “фидаинам” в легитимности, в праве политически представлять нацию, и это поддерживает в дискурсе об армянстве мотив неполноты, несовершенства и лишь относительной ценности имеющегося национального государства.

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: КАНОН-Пресс-Ц; Кучково поле. 288 с.

Брубейкер Р. 2012. *Этничность без групп*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 408 с.

Бурдьё П. 2014. О символической власти. — *Социология социального пространства*. Санкт-Петербург: Алетейя. С. 87-96.

Вахштайн В.С. 2013. Фрейм-анализ как политическая теория. — *Социология власти*. 2013. № 4. С. 13-44.

Волков В.В., Хархордин О.В. 2008. *Теория практик*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 298 с.

Гофман И. 2003. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт социологии РАН. 752 с.

Дерлугьян Г. 2010. *Адепт Бурдьё на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. М.: Территория будущего. 558 с.

Дерлугьян Г. 2016. Как сместить президента демократическим путем с помощью бомбы. — *PONARS Eurasia*. 29.07. Доступ: http://www.ponarseurasia.org/ru/article_20160729_Derluguian (проверено 25.12.2017).

Золян С.Т. 2017. О динамическом понимании национальной идентичности (на примере описания армянской идентичности). – *СОТИС – социальные технологии, исследования*. № 1. С. 11-17.

Калхун К. 2006. *Национализм*. М.: Территория будущего. 288 с.

Жде Г. (Гарегин Тер-Арутюнян). 1992. *Открытые письма армянской интеллигенции*. Ереван: Армянская революционная федерация “Дашнакцутюн”. 21 с.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. 2017. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 54-78. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>

Фурман Д.Е. 1993. *Культурные и социально-психологические основы современного армянского национального движения*. М.: Горбачев-Фонд. 19 с.

Broers L., Iskandaryan A., Minasyan S. 2015. *The Unrecognized Politics of De Facto States in the Post-Soviet Space*. Yerevan: Caucasus Institute and International Association for the Study of the Caucasus. 238 p.

Fairclough N. 1992. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press. 259 p.

Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S. 2016. *War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia*. Yerevan: Caucasus Institute. 144 p.

Panossian R. 2006. *The Armenians: From Kings and Priests to Merchants and Commissars*. London: Hurst & Co. 442 p.

Reisigl M., Wodak R. 2001. *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism*. London: Routledge. 298 p. <https://doi.org/10.4324/9780203993712>

Suny R.G. 1993. *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington: Indiana University Press. 304 p.

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.06

ARMENIAN NATIONALISM VS ARMENIAN STATE: CLEAVAGES AND COALITIONS IN THE DISCOURSES ON SASNA TSRRER

I.V. Fomin^{1,2,3}, N.Yu. Silaev⁴

¹Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, Russia

²National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

³Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

⁴Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia. Moscow, Russia

FOMIN Ivan Vladlenovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University; Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS. Email: fomin.i@gmail.com; **SILAIEV Nikolai Yur'evich**, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, MGIMO-University. Email: nikolai.silaev@gmail.com

Fomin I.V., Silaev N.Yu. Armenian Nationalism vs. Armenian State: Cleavages and Coalitions in the Discourses on Sasna Tsrer. – *Polis. Political Studies*. 2018. No. 3. P. 78-92. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.06>

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant project No. 17-03-12024, “Eurasia Index – Information Analysis System”).

Received: 15.07.2017. Accepted: 15.01.2018

Abstract. The article is devoted to the analysis of the discursive practices of Armenian nationalism that were used in media during the acute political crisis caused by the terroristic attack of *Sasna Tsrer* armed group in July 2016. 316 messages from Armenian mass media were analysed in order to define the groups of speakers (“coalitions”) who used one of three major discursive strategies of representation of Sasna Tsrer: 1) approval, 2) justification or 3) condemnation. The composition and structure of each coalition was examined by mapping the social ties of speakers. The “condemnation coalition” mainly consisted of high-ranked state bureaucrats and members of the ruling parliamentary coalition, while the “approval coalition” mostly included liberal and nationalistic political parties and NGO representatives, Armenian diaspora members, influential performing

artists and some Nagorno-Karabakh war veterans. Quantitative analysis showed that it was the “approval coalition” that dominated in the media discourse, while the condemnation strategy was marginalized. In R. Brubaker’s terms, interpretative battle for the denomination and definition of the armed group’s actions was lost by the ruling Armenian elites. Two competing interpretative frames clashed in the discourses on Sasna Tsrer. One of them is the statist frame (connected to condemnation strategy) and the other is counter-statist (connected to the strategy of approval). These two frames directly correspond to the two types of nationalist doctrines and movements, outlined by R. Brubaker, – the state-framed and the counter-state ones. Paradoxically in the studied case both types of nationalism appeal to the same nation, the Armenian one. It was B. Anderson who also noticed the ambivalent nature of nationalism, as it can be both a revolutionary force and a stabilizing one, but in the Armenian case this ambivalence is accompanied by a specific constellation of different types of capital (by P. Bourdieu). The analysis of the discourse of Sasna Tsrer shows that those who hold political and economic capital fail to convert it to symbolic capital, because of the weakness of the etatist frame on nation. At the same time the symbolic capital holders who position themselves discursively through the counter-etatist frame are deprived of political and economic capital.

Keywords: Armenia; Nagorno-Karabakh; nation building; nationalism; political discourse in Armenia; Sasna Tsrer; semantic maps; mass media; discursive social network analysis; social networks.

References

- Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. (Russ. ed.: Anderson B. *Vooobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Moscow: KANON-Press-Ts; Kuchkovo pole. 2001. 288 p.)
- Bourdieu P. O simvolicheskoi vlasti [On Symbolic Power]. – *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Saint Petersburg: Aletheia. 2014. P. 87-96. (In Russ.)
- Broers L., Iskandaryan A., Minasyan S. *The Unrecognized Politics of De Facto States in the Post-Soviet Space*. Yerevan: Caucasus Institute and International Association for the Study of the Caucasus. 2015. 238 p.
- Brubaker R. *Ethnicity without groups*. (Russ. ed.: Brubaker R. *Etichnost' bez grupp*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 2012. 408 p.)
- Calhoun C. *Natsionalizm*. (Russ. ed.: Calhoun C. *Natsionalizm*. Moscow: Territoriya budushchego. 2006. 288 p.)
- Derlug'yan G. *Adept Burd'e na Kavkaze: eskizy k biografii v mirostystemnoi perspektive* [Bourdieu's Adherent in the Caucasus: Sketches to the Biography in the World-System Perspective]. Moscow: Territoriya budushchego. 2010. 558 p. (In Russ.)
- Derlug'yan G. How to Oust the President Democratically With a Bomb. – *PONARS Eurasia*. 29.07. URL: (In Russ.) http://www.ponarseurasia.org/ru/article_20160729_Derluguian (accessed 05.05.2017).
- Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press. 1992. 259 p.
- Furman D. *Kul'turnye i sotsial'no-psikhologicheskie osnovy sovremennoego armyanskogo natsional'nogo dvizheniya* [Cultural and Socio-Psychological Foundations of the Contemporary Armenian National Movement]. Moscow: Gorbachev-Fund. 1993. 38 p. (In Russ.)
- Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. (Russ. ed.: Goffman E. *Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. M.: Institut sotsiologii RAN. 2003. 752 p.)
- Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S. *War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia*. Yerevan: Caucasus Institute. 2016. 144 p.
- Nzhde G. (Garegin Ter-Arutunyan). *Otkrytye pis'ma armyanskoi intelligentsii* [Open Letters to the Armenian Intelligentsia]. Yerevan: Armyanskaya revolyutsionnaya federatsiya “Dashnaksutyun”. 1992. 21 p. (In Russ.)
- Panossian R. *The Armenians: From Kings and Priests to Merchants and Commissars*, London: Hurst & Co. 2006. 442 p.
- Reisigl M., Wodak R. *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism*. London: Routledge. 2001. 298 p. <https://doi.org/10.4324/9780203993712>
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 5. P. 54-78. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
- Suny R.G. *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington: Indiana University Press. 1993. 304 p.
- Vakhshtayn V.S. Frame Analysis as Political Theory. – *Sociology of Power*. 2013. No. 4. P. 13-44. (In Russ.)
- Volkov V.V., Kharkhordin O.V. *Teoriya praktik* [Theory of Practices]. Saint Petersburg: EUSP Press. 2008. 298 p. (In Russ.)
- Zolyan S. On the Dynamic Approach to the Notion of National Identity (Armenian Identity Case Study). – *SOTIS – sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*. 2017. No. 1. P. 11-17. (In Russ.)